

Граф Д.М. Сольский: путь либерального бюрократа

Валерий Степанов

Count D.M. Solski: the Path of a liberal bureaucrat

Valeriy Stepanov

(Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Карьера графа Дмитрия Мартыновича Сольского (1833–1910) представляет собой редкий случай исключительного служебного долголетия и востребованности в «верхах» Российской империи. Он занимал посты государственного секретаря (1867–1878), государственного контролёра (1878–1889), председателя департаментов законов (1889–1891) и экономии (1892–1905) Государственного совета. Уже на склоне лет Сольский поднялся на высшую ступень бюрократической иерархии, оказавшись в 1905–1906 гг. в кресле председателя Государственного совета. За эти десятилетия он внёс существенный вклад в подготовку и проведение различных экономических, административных и политических преобразований. Его имя часто встречается и в многочисленных источниках, и в научных исследованиях по истории пореформенной России. Между тем до сих пор о нём не написано не только ни одной монографии, но даже сколько-нибудь основательной биографической статьи¹.

Будущий граф родился в Петербурге 3 сентября 1833 г. Его отец, доктор медицины Мартын Дмитриевич Сольский (1798–1881) был выходцем из среды православного духовенства Волынской губ. Однако в семье сохранялось фамильное предание о принадлежности их предков к знатному шляхетскому роду, по-видимому, польского происхождения. Мартын Дмитриевич служил в 1-м Петербургском кадетском корпусе (1827–1841), Петербургском физикате (1841–1862), с 1845 г. являлся совещательным членом Медицинского совета МВД. Он пользовался большим уважением своих коллег: в 1845–1852 гг. избирался вице-президентом Общества русских врачей, а с 1855 г. – президентом Медико-филантропического комитета. Не случайно в знаменитой повести Н.С. Лескова именно доктора «Мартын-Сольского» вызвали к умирающему Левше². Полученный в 1843 г. чин статского советника предоставил Мартыну Дмитриевичу права потомственного дворянства (в дальнейшем он дослужился до чина тайного советника). Его супруга Анна Семёновна (1808–1889) была дочерью статского советника С.Г. Лихонина. Кроме Дмитрия в семье родилось ещё трое детей – Семён (1831–1879),

© 2018 г. В.Л. Степанов

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 17-01-00021.

¹ Небольшие очерки К.А. Скальковского и М.Г. Михайловского носят публицистический характер. См.: *Скальковский К.А.* Д.М. Сольский // Наши общественные и государственные деятели. Изд. 2. СПб., 1891. С. 296–300; *Михайловский М.Г.* Государственный совет Российской империи. Государственные секретари. Д.М. Сольский // Вестник Совета Федерации. 2008. № 1. С. 64–80.

² *Лесков Н.С.* Левша // *Лесков Н.С.* Собрание сочинений. В 12 т. Т. 2. М., 1989. С. 217.

Николай (1836–1907) и Ольга (1834–?). Семён служил в Военном министерстве, впоследствии стал действительным статским советником, но был известен прежде всего как видный энтомолог-любитель, почётный член Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей и один из учредителей Русского энтомологического общества (его секретарь, а затем – вице-президент). Николай связал свою судьбу с Министерством государственных имуществ, много лет состоял директором Императорского сельскохозяйственного музея в Петербурге и также завершил карьеру действительным статским советником³. Ольга во второй половине 1850-х гг. вышла замуж за чиновника Военного министерства коллежского ассессора А.С. Воронина⁴.

Дмитрий Мартынович получил прекрасное домашнее образование, с юных лет выделялся умом, феноменальной памятью и высокой работоспособностью. Чтение было его страстью, любовь к книгам он пронёс через всю жизнь, собрав уникальную домашнюю библиотеку, в которой было множество антикварных раритетов. Современный исследователь причисляет его к «библиофилам самого высокого калибра»⁵. С 1843 г. Дмитрий Мартынович посещал петербургскую Ларинскую гимназию, где учились и его братья⁶. Получив свидетельство о потомственном дворянстве, он в начале 1846 г. перевёлся в Александровский лицей, который окончил в январе 1851 г. с большой золотой медалью и чином титулярного советника. Лицейские годы имели большое значение для становления его личности. В дальнейшем Сольский всегда принимал близко к сердцу нужды Лицея, был избран членом его Совета, учреждённого в 1901 г., и состоял в нём до самой смерти⁷.

В начале 1852 г. Дмитрий Мартынович поступил на службу во II отделение Собственной его императорского величества канцелярии, которое занималось кодификацией и экспертизой законодательных актов. В 1855 г. там же начал свою карьеру выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета Е.А. Перетц, с которым Сольский, по свидетельству сенатора М.П. Веселовского, дружил с детства⁸. Среди сослуживцев Дмитрий Мартынович заметно выделялся образованностью и трудолюбием. Он быстро освоил тонкости законодательной практики и приобрёл навыки работы с официальными бумагами. У него рано обнаружили исключительные редакторские способности, умение преобразить любой документ, наполнить его полноценным содержанием и придать ему ясную форму. Молодому чиновнику стали поручать ответственные задания, с которыми он успешно справлялся. В ноябре 1854 г. его назначили делопроизводителем Рекрутского комитета, действовавшего в 1834–1862 гг. при II отделении и рассматривавшего вопросы, связанные с применением, дополнением и изменением норм устава, регулировавшего набор в армию. Председателем комитета состоял по должности сам главноуправляющий II отделением гр. Д.Н. Блудов, славившийся своим придирчивым отношением к чужим текстам. Работа над

³ РГИА, ф. 1343, оп. 29, д. 5550, 5555; оп. 49, д. 1631, 1632.

⁴ М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. 1. СПб., 1911. С. 333, 334, 336.

⁵ *Бердичевский Я.И.* Библиофильские традиции лицейстов // Библиофильство и личные собрания. М., 2013. С. 34, 35.

⁶ Пятидесятилетие С.-Петербургской Ларинской гимназии. 1836–1886. СПб., 1886. Приложение III. С. 59.

⁷ В 1886 г. лицей окончил его племянник Семён Семёнович, что позволяет считать Сольских лицейской династией (*Руденская С.Д.* Царскосельский – Александровский лицей. 1811–1917. СПб., 1999. С. 483, 487, 507).

⁸ ОР РНБ, ф. IV, № 861, л. 711 об.

уставом и Продолжением Свода законов потребовала от Сольского напряжения всех сил. В июне 1855 г., вырвавшись, наконец, в отпуск в село Кузьмино Лужского уезда, он писал оттуда своему лицейскому однокашнику кн. А.В. Шаховскому: «Если бы ты мог представить себе, как мне делается весело, когда я встаю поутру и подумаю, что мне в течение целого дня не предстоит никакого продолжения, никаких статей, дополнений, примечаний и тому подобной дряни; что самое важное занятие будет купаться, или собирать землянику. Право, чудесно, друг мой!»⁹.

Осенью 1859 г. Сольского, как знатока военного законодательства, ввели в Комитет об устройстве постоянной повинности под председательством сенатора А.И. Лёвшина. В него входил и исправлявший должность товарища министра внутренних дел Н.А. Милютин, один из крупнейших деятелей Великих реформ 1860-х гг. Он фактически руководил работой комитета, заседания которого устраивались у него на квартире. «Тут явился, в качестве члена, Д.М. Сольский, тогда ещё очень молодой человек, но уже подававший большие надежды, — вспоминал делопроизводитель комитета М.П. Веселовский. — Он много говорил и удивил всех подробнейшим знанием IV тома Свода законов (т.е. Устава о повинностях. — В.С.). Вообще, он произвёл на Милютина самое благоприятное впечатление». Однажды Веселовский передал Сольскому на просмотр проект правил о постоянной повинности с объяснительной запиской. «Чуть ли не на другой день, — писал мемуарист, — он возвратил мне обе объёмистые рукописи, значительно исправленные. Помню, что я был поражён и быстротой, и отчётливостью его работы»¹⁰. Неудивительно, что Дмитрий Мартынович каждые два-три года (вместо установленных четырёх) получал следующий чин и в июне 1861 г. был уже статским советником с орденами Св. Станислава 2-й и Св. Владимира 4-й степеней.

Но подлинный карьерный взлёт Сольского начался после того, как его приблизил к себе барон М.А. Корф, назначенный в конце 1861 г. главноуправляющим II отделением. Это был выдающийся государственный деятель, юрист, историк, библиограф, в разные годы занимавший посты управляющего делами Комитета министров, государственного секретаря, члена Государственного совета, директора Петербургской публичной библиотеки. В 1826–1831 гг. он служил во II отделении под руководством М.М. Сперанского, стал достойным учеником, первым биографом и приверженцем идей знаменитого реформатора. Именно в 1860-е гг., по выражению гр. С.Д. Шереметева, «поднялась звезда Д.М. Сольского, созданного бароном Корфом»¹¹. Дмитрий Мартынович блестяще проявил себя при составлении законопроектов и рассмотрении многочисленных инициатив различных ведомств, поступавших на отзыв во II отделение. Благодарный Корф не упускал случая воздать должное своему ближайшему сотруднику. Поручая Сольскому отредактировать один из своих всеподданнейших докладов, он писал ему в октябре 1862 г.: «Не сомневаюсь, что под Вашим пером этот маленький эскиз возрастет столь же быстро, сколько и успешно»¹². Отправляя в январе 1863 г. Дмитрию Мартыновичу бумагу, составленную одним из чиновников, барон обратился к нему с шутливой просьбой: «Благоволите пройти её Вашим искусным пером, нисколько не стесняясь: редактор ничего не узнает о таковом прикосновении этого пера к его произведению, и я позволю себе для обережения

⁹ ОР РГБ, к. 40, д. 21, л. 2.

¹⁰ ОР РНБ, ф. 4, д. 861, л. 476 об.—477.

¹¹ Мемуары графа С.Д. Шереметева. Т. 1. М., 2004. С. 85.

¹² ОР РНБ, ф. 380, д. 308, л. 5.

личного самолюбия украситься здесь павлиньими перьями»¹³. О роли Сольского при главноуправляющем II отделением достаточно хорошо знали в бюрократических кругах. В начале февраля 1864 г. Корф представил в Государственный совет свои соображения о проекте нового цензурного устава. По словам цензора А.В. Никитенко, записка была составлена «так умно и искусно», что повсюду сразу же заговорили об авторстве Сольского¹⁴.

Дмитрий Мартынович принял активное участие в подготовке Великих реформ. В ноябре 1862 г. он стал членом Комиссии для разработки проектов уставов уголовного и гражданского судопроизводства и судовоустройств и, в частности, занимался составлением законов о новых судебных порядках в Кавказском крае¹⁵. По просьбе Блудова, ставшего к тому времени председателем Государственного совета, Корф написал указ о судебной реформе и послал его на редактирование Сольскому. «Мне не нужно, кажется, уверять Вас, любезный Дмитрий Мартынович, в доверии моём к Вашему перу и такту, — сообщал он в сопроводительном письме. — Приложите же оба, в особое мне одолжение, к препровождаемому здесь проекту, не пощадив, если нужно, и Вашего карандаша»¹⁶. В мае 1863 г. Сольского ввели в Комиссию для пересмотра системы податей и сборов (Податную комиссию), действовавшую при Министерстве финансов и подготовившую ряд проектов преобразования прямого и косвенного налогообложения. Особое внимание Дмитрий Мартынович уделял предстоявшему введению в России земских учреждений, тщательно изучал иностранное и российское законодательство по местному самоуправлению. В марте 1863 г. он выступил в Петербургском дворянском собрании с речью о земстве, вызвавшей восторг в столичном обществе. «Мне нет надобности прибавлять здесь, — писал ему Корф, — как искренно я радуюсь этому успеху, столь блистательно подтвердившему всё, что я уже неоднократно говорил о Вас Государю, и что теперь с таким удовольствием всем повторяю»¹⁷. Позднее именно Дмитрию Мартыновичу барон поручил редактирование проекта Положения о губернских и уездных земских учреждениях, поступившего на заключение II отделения¹⁸. Впоследствии, вспоминая о подготовке этой реформы, бывший военный министр гр. Д.А. Милютин отметил роль Сольского, уже тогда «выдававшегося своими замечательными способностями»¹⁹. В ноябре 1865 г. начались заседания Петербургского земского собрания, и Дмитрий Мартынович был избран в комиссию, намечавшую круг вопросов, которые предстояло включить в повестку дня²⁰. В январе 1867 г. в письме к губернскому предводителю дворянства гр. В.П. Орлову-Давыдову он назвал развитие земского самоуправления «дорогим всем нам делом»²¹.

Тем временем здоровье Корфа заметно ухудшилось, и он стал надолго уезжать за границу для лечения, оставляя руководство делами Сольскому. В конце февраля 1864 г. барон, назначенный председателем Департамента законов Государственного совета, попытался сделать его своим преемником во главе II отделения. Но добиться этого он не смог: Александр II предпочёл предоставить пост

¹³ Там же, л. 13.

¹⁴ *Никитенко А.В.* Записки и дневник. В 3 т. М., 2005. Т. 3. С. 10–11.

¹⁵ *Куломзин А.Н.* Пережитое. Воспоминания. М., 2016. С. 421.

¹⁶ ОР РНБ, ф. 380, д. 308, л. 3.

¹⁷ Там же, л. 18.

¹⁸ Там же, л. 20.

¹⁹ *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1863–1864. М., 2003. С. 290.

²⁰ *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1865–1867. М., 2005. С. 138, 139.

²¹ ОР РГБ, ф. 219, к. 61, д. 59, л. 1 об.

главноуправляющего бывшему министру юстиции гр. В.Н. Панину. «Сольский “оттёрт”», — с разочарованием записал в дневнике Корф²². «Теперь Сольский остаётся как бы на воздухе, и все установленные бар. Корфом во II отделении порядки будут опрокинуты гр. Паниным», — предсказывал министр внутренних дел П.А. Валуев²³. Однако ситуация сложилась далеко не так драматично: по ходатайству Корфа Дмитрий Мартынович был щедро награждён — в 31 год получил «генеральский» чин действительного статского советника, звание статс-секретаря императора и должность товарища главноуправляющего II отделением. Корф и в дальнейшем, вплоть до своей смерти в 1876 г., оставался одним из наиболее влиятельных членов Государственного совета. С зарубежных курортов он отправлял своему протеже сентиментальные письма, заверяя его в дружбе и неизменной симпатии. «А Вас любил, и это одно даёт мне некоторое право на Ваше взаимство, — признавался он в марте 1864 г. — Будьте счастливы и полезны: первого я могу только желать, второго я вправе надеяться, потому что знаю Вас». Спустя месяц Корф выразился ещё более трогательно: «Вас же лично, как сына моего избрания — позвольте мне это выражение — я никогда не перестану носить в моём сердце»²⁴.

В качестве товарища главноуправляющего Сольский не раз председательствовал в различных совещаниях. Он, как никто другой, умел вести заседания, внимательно выслушивать различные мнения, направлять прения в нужное русло, примирять противоборствующие стороны, резюмировать итоги обсуждения и формулировать окончательное решение. По словам писателя и публициста К.Ф. Головина, служившего в 1860-е гг. во II отделении, Дмитрий Мартынович был «будто рождённый для председательствования»: «Огромный лоб, скрывавший, по всей вероятности, ум столь же огромный, прекрасная техника слова и умение всегда подыскать такую согласительную формулу, которая объединяла большинство, — вот его отличительные качества»²⁵. Сольский обладал высокой культурой поведения, спокойным и рассудительным характером, всегда держался учтиво, приветливо и доброжелательно, умел ладить с коллегами, неизменно следуя римскому афоризму «Fortiter in re suaviter in modo» («Твёрдо в деле, мягко в обращении») ²⁶.

Впрочем, Сольский недолго оставался в новой должности. В конце сентября 1866 г. ему было поручено во время отсутствия Панина, уехавшего на три месяца за границу, управлять II отделением (с правом личных докладов императору и участия в заседаниях высших учреждений). Как вспоминал Перетц, «в Государственном совете и Комитете министров, с первых же заседаний, в которых Дмитрий Мартынович присутствовал, он поразил всех, как познаниями своими, умом и даром слова, так и умением себя держать»²⁷. Во время всеподданнейших докладов Сольский произвёл на Александра II самое благоприятное впечатление. В апреле 1867 г. гр. Панин по состоянию здоровья ушёл в отставку, а его место занял кн. С.Н. Урусов, покинувший пост государственного секретаря. Председатель Государственного совета вел. кн. Константин Николаевич рекомендовал

²² Ремнёв А.В. Самодержавное правительство: Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX — начало XX века). М., 2010. С. 147.

²³ Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. В 2 т. М., 1961. Т. I. С. 273.

²⁴ ОР РНБ, ф. 380, л. 308, л. 40—40 об., 41 об.

²⁵ Головин К.Ф. Мои воспоминания. Т. I. СПб., 1908. С. 157.

²⁶ Коковцов В.Н. Обрывки воспоминаний из моего детства и лицейской поры. М., 2011. С. 252.

²⁷ Государственная канцелярия. 1810—1910. СПб., 1910. С. 267.

на вокантное место С.М. Жуковского — своего ближайшего помощника по делам Главного комитета по устройству сельского состояния (как «резервная» им рассматривалась кандидатура другого многолетнего сотрудника — сенатора Д.Н. Набокова). Однако самодержец, даже не посоветовавшись с братом, назначил Сольского²⁸. Великий князь был шокирован подобным решением, но когда новый государственный секретарь впервые явился к нему, «приняв его очень милостиво, откровенно сказал ему, что просил не о нём, но что, познакомившись с ним в Совете и вполне оценив его, рад будет с ним работать»²⁹. В дальнейшем вел. кн. Константину Николаевичу не пришлось сожалеть о выборе императора: Сольский стал его правой рукой и преданным советником. В декабре 1872 г. Корф в письме из Висбадена даже назвал Дмитрия Мартыновича «истинным председателем» Государственного совета³⁰.

У некоторых сановников это вызывало недовольство и «ревность». Валуев в мае 1867 г. отметил в дневнике, что «Сольский уже начинает забирать в руки великого князя и играть новую роль в своём звании». А через несколько лет он с раздражением писал о «продолжительных рассуждениях» государственного секретаря, который «никогда ничем не управлявший, никаким опытом, кроме канцелярского, не обладая, толкует о частностях администрации, как будто он их знает по пальцам»³¹. Сенатор А.А. Половцов утверждал: «Сольский человек не глупый, не лишённый образования, но преследующий в занятиях государственными делами собственное повышение предпочтительно пред другими целями. Вследствие этого он отменно уклончив, боясь, прежде всего, задеть чьё-либо самолюбие. Такие люди всего более у места в списках чиновных особ»³².

Как государственный секретарь, Сольский участвовал в разработке Городового положения 1870 г. и Устава о всеобщей воинской повинности, лично составив манифест о его введении, подписанный императором 1 января 1874 г.³³ Постоянное увеличение объёма и сложности задач, встававших перед Государственной канцелярией, заставили Сольского провести её реорганизацию. По его инициативе в 1869 г. был расширен штат, в 1873 г. — утверждены правила публикации в «Правительственном вестнике» сообщений о текущей законодательной деятельности и комментариев к новым узаконениям, в 1876 г. — устроена справочная библиотека для членов Государственного совета и служащих канцелярии, в 1877 г. — установлены пособия для нуждающихся в средствах младших чиновников и учреждена с этой же целью ссудо-сберегательная касса, ускорилась работа по описанию и изданию материалов ведомственного архива³⁴.

Ключевые должности статс-секретарей департаментов законов и государственной экономии в 1867–1869 гг. заняли хорошо знакомые Сольскому сравнительно молодые чиновники — Н.И. Панов, М.П. Веселовский, Е.А. Перетц. «Я помогал Дмитрию Мартыновичу, сколько мог и как умел, — вспоминал

²⁸ ОР РГБ, ф. 126, к. 4а, л. 30.

²⁹ Государственная канцелярия... С. 267.

³⁰ ОР РНБ, ф. 380, д. 308, л. 49.

³¹ Дневник П.А. Валуева... Т. 2. С. 204, 308.

³² ГА РФ, ф. 583, оп. 1, д. 13, л. 105.

³³ Государственная канцелярия... С. 280–281; Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. 1855–1879. СПб., 2005. С. 347; Милютин Д.А. Воспоминания. 1868–1873. М., 2006. С. 315; Милютин Д.А. Дневник. 1873–1875. М., 2008. С. 58, 59, 71; Воронин В.Е. Русские правительственные либералы в борьбе против «аристократической партии» (середина 60-х — середина 70-х гг. XIX в.). М., 2009. С. 253–314.

³⁴ Государственная канцелярия... С. 268–300.

Перетц, ставший его ближайшим сотрудником. — Он, со своей стороны, никогда не отказывал мне ни в добром совете, ни даже в личном своём труде для дополнения и усовершенствования тех журналов Государственного совета, которые, по важности своей, требовали особой обработки. Делая это, он никогда не говорил о том, и всё хорошее приписывал исключительно мне, повторяя всем и каждому, что по Департаменту законов ему нечего делать... Каждое дело и каждый мой журнал он изучал до тонкости и возвращал мне их нередко с разными вопросами и замечаниями, чрезвычайно меткими и толковыми. В отношении к служебным наградам, играющим у нас такую роль, Дмитрий Мартынович доставил мне несравненно более, чем я заслуживал, и на что мог рассчитывать. В особенности заботился Дмитрий Мартынович о сближении меня с великим князем Константином Николаевичем. Таким образом, всем, чего я достиг на служебном поприще, обязан я главным образом Дмитрию Мартыновичу. Обязан я ему, в особенности, также и тем, что, видя постоянно перед собой этого высококачественного и благородного человека, никогда не кривившего душой, я и сам старался всеми силами сделаться лучше и благороднее»³⁵. По словам Веселовского, государственный секретарь «был ещё очень молод, жив и энергичен; к своим подчинённым относился внимательно и приветливо»³⁶.

Многочисленные служебные дела не помешали Сольскому устроить личную жизнь. В мае 1871 г. он вступил в брак с Марией Александровной Мясоедовой (1844—1925), дочерью сенатора, генерал-лейтенанта и директора Измайловской Николаевской военной богадельни³⁷. «Она блистала когда-то в Москве, была умна и недурна собой», — вспоминал о ней гр. С.Д. Шереметев. Несмотря на отсутствие детей, брак оказался крепким. После замужества и переезда в Петербург М.А. Сольская «сохранила за собой свободу действий, поскольку допускаемо оно было пределами благоразумия и приличия»³⁸. Вокруг неё сложился кружок, в котором велись беседы о литературе и искусстве. В доме Сольских А.Н. Апухтин читал свои последние стихи³⁹. Вместе со своей подругой, принцессой Е.М. Ольдебургской, Мария Александровна активно занималась благотворительностью, являлась почётным членом Императорского женского патриотического общества, помощницей попечительницы школы Ласунского в Петербурге, вице-президентом Общины сестёр милосердия св. Георгия, председательницей Общества для пособия вдовам чиновников, не получающим пенсию из Государственного казначейства, и т.п. За свои заслуги она удостоилась малого креста ордена Св. Екатерины 2-й степени. Недаром Веселовский отозвался о Сольской, как об «особе очень умной, которая пользовалась влиянием в придворных сферах»⁴⁰. По свидетельству Куломзина, «женщина большого ума, энергичная, светская», Мария Александровна «умелой рукой» ввела мужа в высший свет⁴¹.

За годы службы в Государственной канцелярии Сольский получил чины тайного (1869) и действительного тайного (1878) советника, ордена Св. Анны 1-й степени (1871), Св. Владимира 2-й степени (1874) и Белого Орла (1876). В правительственных кругах его стали рассматривать как претендента на министерские

³⁵ Там же. С. 304—305.

³⁶ ОР РНБ, ф. IV, д. 861, л. 637.

³⁷ РГИА, ф. 1162, оп. 7, д. 1044, л. 59, 60.

³⁸ Мемуары графа С.Д. Шереметева. Т. 1. С. 135.

³⁹ ГА РФ, ф. 5881, оп. 1, д. 118, л. 94.

⁴⁰ ОР РНБ, ф. IV, д. 861, л. 638.

⁴¹ Куломзин А.Н. Указ. соч. С. 420.

посты. Так, его кандидатура обсуждалась после отставки в мае 1878 г. гр. К.И. Палена, возглавлявшего судебное ведомство. Но, как отмечал Половцов, назначению препятствовало то, что Сольский «считается слишком либеральным и слабым», а «обстоятельства требуют министра, способного “подтянуть”»⁴². В июле 1878 г. Дмитрий Мартынович сменил на посту государственного контролёра С.А. Грейга, назначенного вместо М.Х. Рейтерна министром финансов. Вел. кн. Константин Николаевич, объявив Сольскому Высочайшую волю, записал в дневнике: «Он принимает с благодарностью, потому что сметную и финансовую части он знает хорошо, а ревизионную надеется скоро изучить. Мне очень жалко с ним расставаться после 11½ лет»⁴³. Государственным секретарём стал Перетц, к тому времени уже пользовавшийся полным доверием великого князя. 7 июля 1878 г. Сольский был удостоен Высочайшего рескрипта, спустя месяц стал членом Комитета финансов, в конце года вошёл в состав Особой высшей комиссии для сокращения государственных расходов, а в марте 1879 г. был включён в Особую комиссию при Министерстве финансов, занимавшуюся подготовкой отмены подушной подати.

В новой должности Сольский получил самостоятельное положение в правительстве и право регулярного всеподданнейшего доклада. Но его очередное возвышение одобрялось далеко не всеми. Член Государственного совета К.П. Победоносцев писал Е.Ф. Тютчевой, что «Сольский, это самый пошлый тип высокопоставленного чиновника с жадностью к величию и с желанием облагодетельствовать Россию посредством гладкой формы и либеральных уставов»⁴⁴. Другой член Совета – кн. Д.А. Оболенский, начинавший свою карьеру под началом вел. кн. Константина Николаевича в Морском министерстве, а затем долго служивший в финансовом ведомстве, утверждал: «Сольский не имеет ни малейшего понятия о контроле, ни вообще о финансах, никогда по этой части не занимался и назначением своим единственно обязан своей бесцветности и неизвестности. Кроме Петербурга, он нигде в России не был, никаких отношений и интересов в крае он не имеет... Он принял с удовольствием место контролёра только потому, что будет пользоваться хорошим содержанием, квартирой и всеми атрибутами министра»⁴⁵.

Сольский и сам признавался, что в конце 1870-х гг. «имел самое слабое понятие о контрольной части»⁴⁶. Прощаясь со своими подчинёнными в июле 1889 г., он вспоминал, что «поступил в Контроль, имея мало опытности по специальным предметам его ведомства»⁴⁷. Однако ему удалось быстро освоить новые обязанности. Уже два года спустя Сольский говорил Перетцу, что «любит Контроль, изучил хорошо все отрасли его деятельности и надеется принести на нынешней своей должности пользу»⁴⁸. В обстоятельном докладе, представленном им ко дню 25-летия царствования Александра II, не только содержался обзор истории контрольных учреждений России со времён Петра I, но и намечались первоочередные задачи – соблюдение режима бюджетной экономии, ликвидация сверхсметных ассигнований, разработка новых счётно-ревизионного и кассового уставов, издание единого

⁴² ГА РФ, ф. 583, оп. 1, д. 13, л. 105.

⁴³ Там же, ф. 722, оп. 1, д. 1160, л. 63 об., 64.

⁴⁴ ОР РГБ, ф. 230, к. 4408, д. 13, л. 30 об.

⁴⁵ Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. С. 452.

⁴⁶ ОР РНБ, ф. IV, д. 861, л. 711 об.

⁴⁷ ГА РФ, ф. 1099, оп. 1, д. 168, л. 7.

⁴⁸ Дневник Е.А. Перетца (1880–1883). М.; Л., 1927. С. 10.

положения о Государственном контроле взамен формально ещё не отменённого закона 1836 г., установление надзора за эксплуатационными оборотами железнодорожных компаний и др.⁴⁹ 19 февраля 1880 г. Дмитрий Мартынович был награждён орденом Св. Александра Невского.

Значение Сольского в «верхах» заметно возросло в 1880–1881 гг. В январе 1880 г. он вместе с Перетцем участвовал в переработке составленной ещё в 1866 г. записки вел. кн. Константина Николаевича о привлечении выборных от дворянства и земства к законосовещательной деятельности⁵⁰. В период кратковременной «либеральной весны» главный начальник Верховной распорядительной комиссии гр. М.Т. Лорис-Меликов заявлял вел. кн. Константину Николаевичу о своём намерении «советоваться» с Сольским⁵¹. После того как осенью А.А. Абаза стал министром финансов, он и Лорис-Меликов (к тому времени уже министр внутренних дел) предлагали Сольскому занять престижный и влиятельный пост председателя Департамента государственной экономии Государственного совета, соединив его с должностью государственного контролёра. Однако Дмитрий Мартынович категорически отказался от подобного совмещения⁵². В начале 1881 г. по просьбе гр. Лорис-Меликова Сольский был привлечён к обсуждению проекта создания подготовительных и Общей (с участием выборных представителей земских собраний и городских дум) комиссий для разработки проектов административной, податной и других реформ⁵³, а после царевубийства 1 марта вошёл в состав узкого круга лиц, готовивших манифест о восшествии на престол Александра III⁵⁴.

На заседании Совета министров 8 марта 1881 г. Сольский, как и большинство собравшихся, поддержал проект Лорис-Меликова, выступив в своей обычной спокойной и рассудительной манере. «Не конституция, не ограничение власти нужны нам теперь, — возражал он обер-прокурору Святейшего Синода Победоносцеву, обвинившему либеральных бюрократов в стремлении учредить “говорильню” и покушении на прерогативы самодержавия, — нам нужна, напротив того, власть сильная, энергическая, неограниченная, какой она была до сих пор на Руси. Одним словом, нам нужно самодержавие. Но вместе с тем необходимо, чтобы самодержавная власть могла действовать сознательно, основываясь на познании действительных народных нужд»⁵⁵. По свидетельству Милютин, государственный контролёр «высказал смелую мысль, что армия чиновников составляет менее твёрдую опору самодержавия, чем представители всех сословий населения»⁵⁶. Через неделю бывший министр внутренних дел А.Е. Тимашев публично заявил о том, что «новые веяния», связанные с деятельностью Лорис-Меликова и его единомышленников, способствовали убийству

⁴⁹ Всеподданнейший доклад государственного контролёра о развитии и деятельности Государственного контроля с 1855 по 1880 год. СПб., 1880.

⁵⁰ ГА РФ, ф. 677, оп. 1, д. 134, л. 6 об., 7, 19; *Воронин В.Е.* Русская самодержавная власть и либеральная правительственная группировка в условиях политического кризиса: (конец 70-х — середина 80-х гг. XIX в.). М., 2010. С. 63–76.

⁵¹ ГА РФ, ф. 722, оп. 1, д. 1164, л. 35–35 об.

⁵² Дневник Е.А. Перетца... С. 9, 10.

⁵³ *Голицын Н.В.* Конституция графа Лорис-Меликова // Красный архив. 1918. № 4–5. С. 167; *Валуев П.А.* Дневник. 1877–1884. Пг., 1919. С. 143; *Зайончковский П.А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880 годов. М., 1964. С. 283–295; *Мамонов А.В.* Граф М.Т. Лорис-Меликов: к характеристике взглядов и государственной деятельности // Отечественная история. 2001. № 5. С. 43–46.

⁵⁴ Дневник Е.А. Перетца... С. 24, 26.

⁵⁵ Там же. С. 41.

⁵⁶ *Милютин Д.А.* Дневник. 1879–1881. М., 2010. С. 283.

Александра II. Присутствовавший при этом Сольский категорически возразил ему, утверждая, что причиной политических потрясений стала именно непоследовательность правительства в проведении реформ, а «меры, принимавшиеся со времени покушения Каракозова, не достигавшие действительной цели, вели только к тому, что отчуждали общество от правительства и давали социализму в руки новое оружие»⁵⁷.

Издание манифеста 29 апреля 1881 г. о незыблемости самодержавия и поражение группировки либеральных бюрократов не отразились на положении Сольского. Правда, когда своих постов лишились вел. кн. Константин Николаевич, Лорис-Меликов, Абаза и гр. Милютин, в Петербурге распространился слух о скором уходе и государственного контролёра. Однако подобные предположения оказались совершенно беспочвенными. Александр III высоко ценил административные способности Дмитрия Мартыновича и демонстрировал ему своё расположение⁵⁸. Ещё в июне 1880 г. будущий самодержец, возглавлявший комиссию, которая обсуждала вопрос о продаже Балтийского судостроительного и механического завода, просил назначить в её состав представителя государственного контроля. Сольский предложил собственную кандидатуру. «Ваш ответ, любезный Дмитрий Мартынович, меня искренно и несказанно обрадовал, — с воодушевлением отозвался цесаревич. — Разумеется, что для меня самое выгодное и самое лучшее, чтобы Вы сами приняли участие в нашем совещании. Тогда оно непременно приведёт к удовлетворительному результату. Признаюсь, что я с самого начала внутренне об этом думал, но совестился Вам это предложить, зная, как Вы заняты и как Вам трудно уделять время для комитетов и совещаний». Письмо заканчивалось словами: «Ещё раз искренно Вас благодарю и ужасно радуюсь»⁵⁹.

О прочности позиций Сольского косвенно свидетельствовало и то, что в ноябре 1881 г. о нём говорили как о возможном преемнике тяжелобольного Урусова на посту председателя Департамента законов. Перетц сказал новому председателю Государственного совета вел. кн. Михаилу Николаевичу, что на этом месте «лучше всех был бы Сольский — как по уму и образованию, так и по опытности своей в делах законодательных, наконец, и по умению жить с людьми». Великий князь ухватился за это предложение, ответив, что Дмитрий Мартынович ему «очень симпатичен». Однако Урусов сомневался в целесообразности подобного назначения: «Сольский — прекрасный председатель любого департамента. Редко способный и благородный человек. Но жаль взять его из состава министров — он был бы отличным министром финансов»⁶⁰. Решительно возражал и Рейтерн, незадолго до этого ставший председателем Комитета министров. «Нет, не предлагайте его, — убеждал он Перетца. — Жаль было бы свести Дм[итрия] Март[ыновича] с финансового поприща. Я возлагаю на него большие надежды»⁶¹. В итоге Сольскому удалось уклониться от этого назначения. Он ещё ранее говорил Перетцу, что «должностью своей чрезвычайно доволен и не променял бы её ни на какую другую»⁶².

⁵⁷ Дневник Е.А. Перетца... С. 47–48.

⁵⁸ Там же. С. 54, 80, 81.

⁵⁹ РГИА, ф. 694, оп. 2, д. 277, л. 2–6 об.

⁶⁰ Дневник Е.А. Перетца... С. 107, 108, 109, 147.

⁶¹ РГИА, ф. 694, оп. 2, д. 287, л. 1–1 об.

⁶² Дневник Е.А. Перетца... С. 80, 110.

В царствование Александра III Сольский занимал осторожную позицию, избегая конфликтов с могущественными противниками в правительстве. Некоторые современники, признавая ум, опыт и глубокие знания государственного контролёра, обвиняли его в слабости характера, конформизме, уступчивости. Как считал Веселовский, «в самой его натуре была, как будто, склонность отказываться от собственного самостоятельного мнения и преклоняться перед чужими авторитетами», «какая-то особенная склонность к компромиссам даже там, где это вовсе не требовалось»⁶³. По словам Куломзина, «его умелое перо и выдающиеся редакторские способности были всегда к услугам преобладающего веяния»⁶⁴. Сменивший Перетца государственный секретарь Половцов в своём дневнике называл Дмитрия Мартыновича «безличным», «бесхарактерным», «трусливым», «уклончивым», стремящимся услужить и «нашим, и вашим». Особенно резко он порицал то, что Сольский «предпочитает отсутствовать там, где нельзя ограничиться болтовнёй, а надо высказать какое-нибудь мнение». Половцов с иронией писал о нём: «В деле неважном готов спорить до слёз и отстаивать свои убеждения, но в существенном вопросе, где чувствуется сильная лапа, он непременно кончит заявлением, что не настаивает на сказанном». По его свидетельству, даже Александр III однажды заявил, что Сольский — «человек без всяких убеждений»⁶⁵. Впоследствии публицист московской газеты «Русское слово» А.В. Руманов вспоминал: «Оторванный от жизни, лишённый темперамента, всегда боявшийся точных граней и определённых решений — таков был граф Сольский»⁶⁶.

Однако Дмитрий Мартынович отнюдь не был слабым и беспринципным политиком. В интересах дела он умел проявлять необходимую настойчивость и даже в период «контрреформ» не изменил своим идеалам. Тот же Половцов отмечал, что «Сольский — креатура Константина Николаевича и притом не твёрд в господствующих ныне убеждениях»⁶⁷. Дмитрий Мартынович не отрёкся от опального великого князя, который удалился в своё крымское имение Ореанду и лишь иногда наезжал в столицу, поддерживал с ним регулярную переписку и сообщал ему петербургские новости⁶⁸. «Конечно, события 1881 года не могли настроить Россию на весёлый лад, — как бы оправдываясь, писал он бывшему покровителю в апреле 1883 г., — и впечатление их ещё не исчезло. Естественно, что и правительство делало ошибки, когда их не бывало? Но и теперь, по прошествии полтора года со времени первого письма моего к Вашему высочеству я, в общем, вполне остаюсь при тех надеждах и взглядах, которые тогда выражал. По совести думаю, что мы действуем, — может быть, не всегда искренне, не хочу хвастать, — но, конечно, честно, с добрыми намерениями, и не стоим на таком ложном пути, как теперь в моде утверждать. От этого взгляда не заставляют отступить меня и последние, конечно, известные уже Вашему высочеству личные перемены, коснувшиеся, между прочим, Е.А. Перетца»⁶⁹.

В марте 1882 г. в Комитете министров Сольский вместе с другими участниками заседания выступил против внесённых министром внутренних дел

⁶³ ОР РНБ, ф. IV, д. 861, л. 637 об., 682 об.

⁶⁴ Куломзин А.Н. Указ. соч. С. 421.

⁶⁵ Половцов А.А. Дневник государственного секретаря. Т. 1. М., 1966. С. 87, 102, 121, 151, 259, 358, 454; Т. 2. С. 224, 273; Половцов А.А. Дневник. 1893–1909. СПб., 2014. С. 102, 125, 147.

⁶⁶ Русское слово. 1915. 1 марта.

⁶⁷ Половцов А.А. Дневник государственного секретаря. Т. 2. М., 1966. С. 226.

⁶⁸ Дневник Е.А. Перетца... С. 74; Милютин Д.А. Дневник. 1879–1881. С. 383; Милютин Д.А. Дневник. 1882–1890. М., 2010. С. 36.

⁶⁹ ГА РФ, ф. 722, оп. 1, д. 839, л. 3–3 об.

гр. Н.П. Игнатьевым «Временных правил о евреях», которые предусматривали жёсткие ограничения прав лиц иудейского вероисповедания. Государственный контролёр осудил антисемитские публикации в прессе, появившиеся при бездействии МВД, и попустительство властей погромам в западных и южных губерниях. Он требовал строго наказывать виновных в беспорядках и тем самым доказать, что «правительство не будет терпеть подобных беззаконий»⁷⁰. В 1887 г. Сольский в официальном отзыве подверг критике проект учреждения земских начальников, выдвинутый министром внутренних дел гр. Д.А. Толстым, и особо отметил, что передача им некоторых судебных функций поставит под угрозу существование института мировых судей⁷¹. В январе 1889 г. Дмитрий Мартынович голосовал против этого проекта в Общем собрании Государственного совета⁷². В отзыве на проект земской «контрреформы», представленном в 1888 г. в Государственный совет, он указывал, что его авторы «не представляют ни достаточного материала, ни прочной почвы для законодательной меры». Сольский считал невозможным дальнейшее ограничение и без того узкой компетенции органов местного самоуправления и предлагал внести только «частичные изменения и дополнения» в Положение 1864 г., не прибегая к его коренному пересмотру⁷³.

Критики Дмитрия Мартыновича нередко упрекали его также в отсутствии инициативы, творческого начала, в сугубо бюрократическом подходе к государственным делам и т.п. «Ни одного живого дела, ни одной живой мысли из его умной головы не вышло», — сетовал Головин. — «А происходило всё это вовсе не от недостатка ума и не от злонамеренности. Дмитрий Мартынович попросту так привык к самому процессу законодательства, что он стал равнодушным к внутреннему смыслу данной меры, а добивался он от неё, главным образом, совершенства наружной техники»⁷⁴. По наблюдениям Веселовского, «всякая смелая, плодотворная мера, пройдя через его цензуру, утрачивала свою цельность, оригинальность и путём поправок и уступок сглаживалась и обесцвечивалась»⁷⁵. Н.Н. Покровский вспоминал: «За многие годы, что мне пришлось его видеть в разных коллегиальных учреждениях, я не припомню, чтобы слышал от него самостоятельные мнения»⁷⁶. Валуев пренебрежительно назвал Сольского «канцеляристом»⁷⁷, Победоносцев также считал его деятелем «канцелярского склада», хотя и признавал, что он «весьма далеко ушёл от того, чем был первоначально»⁷⁸. По словам морского министра И.А. Шестакова, «у умного и строго говорящего Сольского первая идея — номер какой-нибудь предшествовавшей бумаги; иногда в словах его есть суть, но больше теория»⁷⁹.

Однако разносторонняя деятельность Дмитрия Мартыновича, в частности, его руководство Государственным контролем в 1878—1889 гг., опровергают эти

⁷⁰ Дневник Е.А. Перетца... С. 131—133.

⁷¹ *Зайончковский П.А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия (Политическая реакция 80-х — начала 90-х годов). М., 1970. С. 381.

⁷² *Собко Е.М.* Государственный совет в эпоху Александра III. М., 2007. С. 68.

⁷³ *Захарова Л.Г.* Земская контрреформа 1890 г. // *Захарова Л.Г.* Александр II и отмена крепостного права в России. М., 2011. С. 498, 499.

⁷⁴ *Головин К.Ф.* Указ. соч. Т. 1. С. 157—158.

⁷⁵ ОР РНБ, ф. IV, д. 861, л. 637 об.

⁷⁶ *Покровский Н.Н.* Последний в Мариинском дворце. Воспоминания министра иностранных дел. М., 2015. С. 54.

⁷⁷ *Валуев П.А.* Дневник. 1877—1884. С. 143.

⁷⁸ *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря. Т. 1. С. 168.

⁷⁹ *Шестаков И.А.* Дневники (1882—1888 годы). СПб., 2014. С. 119.

суждения. Он стал достойным продолжателем политики выдающегося преобразователя контрольного дела В.А. Татаринова. При Сольском в основном были завершены структурные перемены в этом ведомстве. В 1883 г. Временная ревизионная комиссия была преобразована в Департамент гражданской отчётности, а Департамент морских отчётов — в Департамент военной и морской отчётности. Из Департамента гражданской отчётности вскоре выделились Железнодорожный отдел, получивший права департамента (1884), и Центральная бухгалтерия, следившая за исполнением государственной росписи доходов и расходов (1888). В 1884 г. последовало учреждение Комиссии для проверки смет и отчётов частных железных дорог, а в 1886 г. — Комиссии проверки отчётности установлений Государственного контроля.

Сольский уделял много внимания развитию новых форм ревизионной работы. По его инициативе был установлен фактический контроль над заводами и мастерскими Морского министерства и Санкт-Петербургского порта (1887); над сооружением (1881) и эксплуатацией (1883) казённых железных дорог, строительством оборонительных объектов и казарм (1883), устройством коммерческих портов и действиями Министерства путей сообщения по управлению внутренними водными путями сообщения и шоссейными дорогами (1884). Контрольное ведомство с 1882 г. осуществляло надзор за строительством некоторых частных железных дорог, а с 1884 г. — за оборотами ряда железнодорожных акционерных компаний⁸⁰. Сольский неукоснительно выполнял повеление Александра III о соблюдении режима бюджетной экономии и сокращения сверхсметных ассигнований. Совместно с министрами финансов Н.Х. Бунге и И.А. Вышнеградским ему приходилось сдерживать растущие запросы различных ведомств, особенно военного и морского министерств. В возникавших конфликтных ситуациях Сольский проявлял твёрдость, не поддавался давлению и не шадил самолюбия высших сановников. Как утверждал Покровский, в эти годы Дмитрий Мартынович «сумел завоевать в правящих сферах тот авторитет, которым неизменно пользовался до самой смерти»⁸¹. По словам чиновника МВД И.И. Кольшко, его «уважали» и «побаивались»⁸². Сольский заметно повысил качество ежегодных отчётов контрольного ведомства об исполнении бюджетной росписи, в которых стала воссоздаваться более объективная, чем ранее, картина финансового положения страны и прямо указывались «виновники счетоводных беспорядков»⁸³. Он поддерживал политику Бунге, нацеленную на осуществление социально-экономической программы либеральной группировки 1880—1881 гг.: преобразование налоговой системы, организацию ипотечного кредита для крестьян, введение фабрично-заводского законодательства и др.

Служба Сольского в Государственном контроле прервалась в июле 1889 г., когда император назначил его председателем Департамента законов. Дмитрий Мартынович не хотел покидать полюбившееся ему ведомство, но был вынужден подчиниться. Это событие было встречено в «верхах» и в обществе с полным одобрением. «Надобно надеяться, — писал К.А. Скальковский, — что г. Сольский сумеет придать самому важному из департаментов Совета — законов,

⁸⁰ Государственный контроль. 1811—1911. СПб., 1911. С. 224, 229—267; Степанов В.Л. Контрольно-финансовые мероприятия на частных железных дорогах России (конец XIX — начало XX в. // Экономическая история. Ежегодник 2004. М., 2004. С. 32—53.

⁸¹ Покровский Н.Н. Указ. соч. С. 54.

⁸² Кольшко И.И. Великий распад: воспоминания. СПб., 2009. С. 80.

⁸³ Исторический вестник. 1911. № 1. С. 411.

которого он становится председателем, поболее жизни и энергии. Работа законодательная по части обновления нашего государственного и административного механизма должна быть по душе г. Сольскому. Он один из тех государственных людей, которые всегда сочувствовали реформам»⁸⁴. Даже Половцов признавал: «Хотя он человек совершенно бесхарактерный, но, тем не менее, в настоящем случае нельзя было сделать лучшего назначения. Он имеет, несомненно, обширные дарования, привык участвовать в совещательных собраниях и руководить прениями, он весьма образован и чужд той дикости, которая отличает современных высших чиновников»⁸⁵.

Однако едва Сольский приступил к своим новым обязанностям, как уже в следующем году перенёс инсульт с тяжёлыми последствиями — сохранив ясность ума, он навсегда остался в значительной мере обездвиженным и отныне мог ходить, только опираясь на две палки или с помощью двух лакеев, которые водили его под руки, помогали вставать и садиться в кресло. В Петербурге распространялись слухи о его предстоящей отставке⁸⁶. Врачи настаивали на том, что всякие служебные нагрузки ему противопоказаны. Обязанности председателя департамента были временно возложены на Перетца. «О Сольском вести дурные; — писал министр юстиции Н.А. Манасеин К.П. Победоносцеву в сентябре 1891 г., — говорят, что на поправление его здоровья (и разума) надежды мало»⁸⁷. 15 октября 1891 г. Дмитрий Мартынович просил императора о длительном отпуске: «Хотя я теперь почти здоров, но так как только вчера меня спустили с постели, то врачи, находя силы мои недостаточными, запрещают мне усиленные занятия и советуют провести зиму в тёплом климате»⁸⁸. Никто не мог предположить, что пик его карьеры был ещё впереди.

Между тем вскоре началось сближение Сольского с С.Ю. Витте. Они познакомились ещё в начале 1889 г. в ходе работы совещания, обсуждавшего под председательством Дмитрия Мартыновича проект закона об установлении государственной монополии на железнодорожные тарифы⁸⁹. Осенью 1892 г. Витте, недавно назначенный министром финансов, но ещё не имевший прочной опоры в «верхах», всячески старался приобрести полезные связи. Заехав к Сольскому, он имел с ним продолжительную беседу. Спустя десятилетие Дмитрий Мартынович в письме к Витте «с отрадным чувством» вспоминал об этой встрече: «Мы в разговоре тогда коснулись всех главнейших мероприятий к упрочению финансового положения, только что вынесшего тяжёлое испытание голода 1891 года: было говорено и о бюджете, и о железных дорогах, и о казённой продаже питей, и о денежной реформе»⁹⁰. Сольский увидел в новом министре финансов динамичного и полного энергии деятеля, способного провести давно назревшие экономические преобразования. Как писал Руманов, «старик почувствовал странную симпатию к молодому задорному честолюбцу, попавшему в Петроград из круговорота провинциальной жизни и бешено прокладывавшему себе дорогу к верхам бюрократической лестницы»⁹¹. Витте, в свою очередь, надеялся обрести

⁸⁴ Скалковский К.А. Указ. соч. С. 300.

⁸⁵ Половцов А.А. Дневник государственного секретаря. Т. 2. С. 233.

⁸⁶ Там же. С. 320, 410, 411, 418, 473.

⁸⁷ К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. Т. 1. Полумом 1-й. М.; Пг., 1923. С. 953–954.

⁸⁸ РГИА, ф. 1162, оп. 6, д. 503, л. 75–76 об.

⁸⁹ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. В 2 т. СПб., 2003. Т. 1. С. 183.

⁹⁰ РГИА, ф. 1622, оп. 1, д. 371, л. 1.

⁹¹ Русское слово. 1915. 1 марта.

мудрого и авторитетного союзника, который, в силу своего уравновешенного характера и физической немощи, не будет пытаться подмять его под себя.

Одной из главных задач для Витте являлось тогда устранение властного и влиятельного председателя Департамента государственной экономики и Комитета финансов Абазы, от которого во многом зависело успешное прохождение законопроектов через эти инстанции. Перед новым министром был печальный пример Бунге и Вышнеградского, которым приходилось идти на серьёзные компромиссы, чтобы обеспечить своим инициативам необходимую поддержку. В конце 1892 г. Витте удалось, скомпрометировав Абазу перед императором, добиться его отставки и замены на обоих постах с 1 января 1893 г. Сольским⁹². Это вызвало некоторое недоумение в правительственных сферах, где было хорошо известно о состоянии здоровья Дмитрия Мартыновича. Как вспоминал В.Н. Коковцов, болезнь «заставила многих, близко знавших этого выдающегося государственного человека России, сомневаться в возможности для него вернуться к его деятельности по Государственному совету». Тем не менее «он вернулся в полной силе и свежести его ума и вступил в новую для него деятельность с той же энергией, с теми же знаниями всякого сложного вопроса, которые характеризовали его на всех его постах»⁹³.

Ещё 10 декабря 1892 г. по инициативе Витте и по докладу совещания под председательством Сольского был учреждён Комитет Сибирской железной дороги, на который возлагалось руководство строительством магистрали. Его возглавил наследник престола, вел. кн. Николай Александрович, чьим ближайшим помощником и заместителем стал председатель Комитета министров Бунге. С 1893 г. Дмитрий Мартынович участвовал в большинстве заседаний нового учреждения и внёс заметный вклад в его работу. По словам управляющего делами этого комитета Куломзина, Сольский «играл первенствующую роль, принимал председательствование во всех совещаниях, назначаемых для распутывания затруднительных вопросов и обстоятельств в строительных делах и вообще оказал благополучному исходу дела неоценимые услуги»⁹⁴. Цесаревич был восхищён силой воли, ясностью мышления и деловыми качествами полупарализованного человека, который стойко переносил свои страдания. 6 декабря 1894 г., вскоре после восшествия на престол, Николай II наградил его орденом Св. Андрея Первозванного. В начале нового царствования опорой молодого монарха стали два столпа либеральной бюрократии — Бунге и Сольский. Однако Николай Христианович вскоре скончался, а Дмитрий Мартынович служил императору ещё многие годы.

В дальнейшем влияние Сольского на правительственную политику непрерывно возрастало. «Его авторитет в делах финансового характера был неоспорим в глазах Государя, и уважение к нему Государя было очень велико», — писал Коковцов⁹⁵. В «верхах» к Дмитрию Мартыновичу стали относиться с ещё бóльшим пиететом, чем ранее. «Несомненный знаток финансовых проблем, обладавший огромным опытом во всех сметных вопросах, он нёс при ежегодном прохождении государственной росписи через председательствуемый им департамент огромную работу и при рассмотрении отдельных частных этой сметы всегда мог привести к их решению в желательном для себя смысле, — вспоминал

⁹² Из архива С.Ю. Витте. Т. 1. С. 211.

⁹³ Коковцов В.Н. Обрывки воспоминаний из моего детства... С. 249.

⁹⁴ Куломзин А.Н. Указ. соч. С. 401, 422.

⁹⁵ Коковцов В.Н. Обрывки воспоминаний из моего детства... С. 253.

В.И. Гурко, служивший в конце XIX в. в Государственной канцелярии. — Возражать против высказанного им мнения Министерство финансов никогда не решалось»⁹⁶. Когда Дмитрий Мартынович появлялся в зале заседаний департамента, все присутствующие вставали и не садились, пока он не занимал председательское место⁹⁷. Всем было известно, что Сольский знал рассматриваемые дела до мельчайших подробностей. Поэтому накануне обсуждения какого-либо проекта представители заинтересованного ведомства запрашивали служащих департамента о его мнении, и это позволяло в считанные минуты прояснять самые сложные и спорные вопросы⁹⁸.

В отсутствие председателя Государственного совета вел. кн. Михаила Николаевича именно Сольский, по старшинству, выполнял его обязанности⁹⁹. Как писал Коковцов, он занимал «исключительно влиятельное положение» и в Комитете министров, где, по словам Покровского, произносил речи, «всегда проникнутые государственным смыслом, широкими взглядами, громадным опытом»¹⁰⁰. Николай II постоянно поручал ему различные дела. «“Комиссия Сольского” — это было какое-то нарицательное слово, — писал Покровский, — стоило возникнуть какому-нибудь более или менее сложному вопросу в области финансов, кредита, государственной экономии, а впоследствии и государственного строительства вообще — и тотчас для его рассмотрения образовывалась высшая комиссия или комитет из министров и других сановников под незыблемым председательством графа Д.М. Сольского. К этим комиссиям относились с особым уважением ввиду авторитета их председателя, мнение которого имело обыкновенно решающее значение»¹⁰¹. Кроме того, император не раз возлагал на Дмитрия Мартыновича урегулирование межведомственных столкновений. Когда осенью 1902 г. возник конфликт между Витте и министром внутренних дел В.К. Плеве, ему пришлось примирять враждующих соперников¹⁰².

Покровительство Сольского имело огромное значение для министра финансов, который в первое время не совсем уверенно чувствовал себя среди столичной элиты. «Сольский стал Вергилием молодого Витте по кругам бюрократического и придворного Петрограда, — вспоминал Руманов. — Он удерживал его порывы, давал мелкие, но ценные советы, вводил в круг той закулисной политики, которая была вначале и чужда, и непонятна зарывавшемуся и ещё неопытному провинциальному юноше. В тех случаях, когда он выходил из рамок, когда природная страстность и резкость толкали его на ложный шаг, он бросался к Сольскому, и старый бюрократ со своей вечной улыбкой царедворца выручал»¹⁰³. Дмитрию Мартыновичу и самому иногда случалось «осаживать» бесцеремонного Витте, не обращавшего внимания на неписанные правила бюрократической этики. Так, например, в январе 1893 г. на заседании Департамента государственной экономии он наругал военному министру П.С. Ванновскому. Заслуженный

⁹⁶ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 95.

⁹⁷ Покровский Н.Н. Указ. соч. С. 54.

⁹⁸ Коковцов В.Н. Обрывки воспоминаний из моего детства... С. 250, 251, 252.

⁹⁹ Гурко В.И. Указ. соч. С. 39; Из архива С.Ю. Витте. Т. 1. С. 179, 697.

¹⁰⁰ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903—1919 гг. В 2 кн. Кн. 1. М., 1992. С. 59; Покровский Н.Н. Указ. соч. С. 53, 77.

¹⁰¹ Покровский Н.Н. Указ. соч. С. 54.

¹⁰² М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. 5. СПб., 1913. С. 501.

¹⁰³ Русское слово. 1915. 1 марта.

генерал потребовал от председателя призвать «нахала» к порядку. Под нажимом Сольского Витте пришлось отказаться от своих слов¹⁰⁴.

В целом сотрудничество двух сановников оказалось весьма эффективным. Они успешно взаимодействовали и прекрасно дополняли друг друга. «Витте начинал и делал, Сольский заканчивал, проводил, — писал Руманов. — Инициатором всегда был Витте. Весь жар и огонь, он проводил свои идеи, вёл борьбу за реформы, страшно отстаивал, брал на себя ответственность за последствия. Граф Сольский только редактировал проекты графа Витте и до законодательных учреждений давал им “окончательную отделку”, но это был идеальный, исключительный, единственный редактор. “Каучуковый мяч”, он мягко принимал последнее брюзжание противников, последние удары. Для живых, полнокровных идей графа Витте он находил безвредные формы и занимался на деле очищением атмосферы от последствий тех грозových вспышек, которые был такой мастер вызывать Витте. Он подводил итоги, удерживал, смягчал, неоднократно сглаживал инциденты и редактировал, а буйный Витте в это время, забывая уже о своём вчерашнем детище, мечтал, даже горел новой реформой»¹⁰⁵.

Николай II не испытывал особой симпатии к честолюбивому министру финансов. Однажды он с неудовольствием сказал Сольскому: «Витте всегда как-то отделяет себя от меня»¹⁰⁶. Поэтому Дмитрию Мартыновичу порой приходилось играть роль посредника между министром и монархом. Учитывая доверие царя к Сольскому, Витте в своих всеподданнейших докладах и записках воздавал ему хвалу и старался опереться на его авторитет. Например, в октябре 1898 г., рассуждая в письме к Николаю II о необходимости «благоустройства быта сельского населения», он называл Сольского одним из «просвещённых и умудрённых государственном опытом сановников» и предлагал сделать его председателем Особого совещания по крестьянскому делу «как человека при выдающихся способностях крайне уравновешенного и бесстрастного»¹⁰⁷.

Все преобразования Министерства финансов проводились при содействии Сольского. Витте предпочитал вершить дела в обход Государственного совета и Комитета министров, где могли возникнуть препятствия. Поэтому он сам инициировал учреждение совещаний во главе с Сольским для рассмотрения своих проектов. Особое значение для министра финансов имела поддержка Дмитрия Мартыновича во время обсуждения в высших инстанциях предстоящей денежной реформы, поскольку замысел введения золотого монометаллизма вызвал сильную оппозицию¹⁰⁸. «Можно смело сказать, — полагал Руманов, — что многое из того, что было осуществлено Витте, никогда не вошло бы в жизнь, если бы не Сольский»¹⁰⁹. В августе 1902 г. Дмитрий Мартынович поздравил своего союзника с «круглой датой» назначения на министерский пост: «Вы можете со справедливой гордостью вспомнить о прошедшем десятилетии, и сказать, что делами своими Вы соорудили себе прочный памятник. Вам дано было сделать столько, что, оглядываясь на прошлое, едва верится, что в столь недолгое относительно время могло быть сделано так много. Я особенно горжусь тем, что и мне суждено

¹⁰⁴ ОР РГБ, ф. 126, к. 11, л. 410 об.

¹⁰⁵ Русское слово. 1915. 1 марта.

¹⁰⁶ *Тхоржевский И.И.* Последний Петербург: воспоминания камергера. СПб., 1999. С. 111.

¹⁰⁷ Из архива С.Ю. Витте. Т. 1. С. 541, 542.

¹⁰⁸ *Мельников М.В.* Обсуждение проекта денежной реформы в Комитете финансов и Государственном совете в 1896–1897 гг. // Отечественная история. 2007. № 6. С. 131–138.

¹⁰⁹ Русское слово. 1915. 1 марта.

было принять участие в некоторых из достопамятных мероприятий, с которыми связано Ваше имя»¹¹⁰.

Сольского не раз упрекали за поддержку Витте, который из-за своего безудержного карьеризма и сомнительного нравственного облика не был популярен в бюрократических кругах. Некоторые современники считали, что он служит «фонографом» министра финансов и «раболопно» ему повинуетя¹¹¹. По утверждению Куломзина, Витте «влез в душу Сольского, как он один умеет это делать, и мало-помалу овладел его умом»¹¹². Однако эти мнения едва ли соответствуют действительности. Сотрудничая с Витте, Дмитрий Мартынович контролировал и корректировал его действия, всегда оставляя за собой последнее слово. «Нередко Витте сердился, находя, что Сольский делал не то, что старый бюрократ обещивал его работу и требовал изменений, но мягкий и уступчивый граф Сольский бывал в таких случаях неумолим, — отмечал Руманов. — В окончательную “редактуру” он не позволял графу Витте вмешиваться. Здесь царил единовластно старый граф»¹¹³. Кроме того, Дмитрий Мартынович мог блокировать инициативы министра финансов, если считал их нецелесообразными.

В руководстве финансового ведомства Сольский имел своих доверенных лиц: товарищами министра состояли А.П. Иващенко (1892–1897), ранее служивший под его началом в Государственном контроле, и В.Н. Коковцов (1896–1902), занимавший прежде пост статс-секретаря сметного отделения Департамента государственной экономии и лично преданный своему бывшему начальнику. Уже достигнув высоких постов, Коковцов писал Дмитрию Мартыновичу 1 января 1902 г.: «Не забуду я до конца моих дней, как на первом же моём докладе по сметной части Вы незаметно для самих себя, одним Вашим примером научили меня отдавать изучению каждого вопроса всё доступное мне внимание. Не забуду я ещё более Вашего доброго, снисходительного ко мне отношения за весь тяжёлый для меня период службы моей по Министерству финансов. В Ваших указаниях привык я почерпать руководство в моих поступках, Ваше одобрение стало для меня необходимостью, малейшая тень Вашего неудовольствия всегда отзывается болью в моей душе»¹¹⁴.

В начале 1902 г. Сольский отпраздновал 50-летие своей служебной деятельности. 1 января Николай II возвёл юбиляра в графское достоинство, особо отметив в рескрипте его неустанные труды «в области финансового законодательства, направленные к возможному уравниванию податного бремени народа, упрочению государственного кредита и исправлению нашего денежного обращения»¹¹⁵. Не случайно на графском гербе был помещён латинский девиз «Laboremus» («Будем трудиться») ¹¹⁶. 2 января в небольшом доме Сольского на Гагаринской улице состоялось торжественное чествование. Присутствовали великие князья Михаил Николаевич, Михаил Александрович и Владимир Александрович, принцы А.П. и П.А. Ольденбургские, принцесса Е.М. Ольденбургская, министры и их товарищи, члены Государственного совета, высшие чины разных учреждений. Поздравительные речи от имени своих ведомств произнесли государственный

¹¹⁰ РГИА, ф. 1622, оп. 1, д. 371, л. 1.

¹¹¹ *Киреев А.А.* Дневник. 1905–1910. М., 2010. С. 68; *Половцов А.А.* Дневник. 1893–1909. С. 176.

¹¹² *Куломзин А.Н.* Указ. соч. С. 421.

¹¹³ Русское слово. 1915. № 1.

¹¹⁴ РГИА, ф. 694, оп. 1, д. 195, л. 1 об.–2.

¹¹⁵ Там же, д. 1, л. 1–2.

¹¹⁶ Там же, ф. 1343, оп. 49, д. 1631.

секретарь В.К. Плеве, государственный контролёр П.Л. Лобко, член Департамента государственной экономики Ф.Г. Тернер, председатель Департамента законов Э.В. Фриш и др.¹¹⁷ Витте зачитал адрес Министерства финансов, в котором особо говорилось о деятельности Сольского во главе Департамента государственной экономики и Комитета финансов: «С этого времени без Вашего прямого и выдающегося участия не разрешается ни один сколько-нибудь существенный вопрос в области государственного хозяйства и экономической жизни страны. Но этим не исчерпывается содействие Ваше трудам финансового ведомства. В важнейших делах министр финансов и его ближайшие сотрудники постоянно обращаются к Вашим просвещённым указаниям, почерпая в умудрённой разносторонними государственными познаниями опытности Вашей искреннее и благожелательное руководство. Ваша поддержка предположениям министерства всегда служит опорой в его действиях; Ваши откровенные и снисходительные суждения во всех случаях, когда убеждения Ваши не согласуются со взглядами финансового ведомства, оберегают его от недостаточно взвешенных решений»¹¹⁸.

Между тем в начале XX в. заметно «окрепший» Витте уже явно тяготился опекой Дмитрия Мартыновича и всё чаще стремился решать вопросы непосредственно с заинтересованными министрами и Николаем II. Главе военного ведомства А.Н. Куропаткину в январе 1903 г. Витте прямо предложил устранять возникающие разногласия с помощью личных соглашений, поскольку, по его словам, «путём взаимных уступок мы больше достигнем, чем через особое совещание у Сольского». Позднее он уверял Куропаткина, что царь лучше, чем председатель Департамента государственной экономики, знает «истинное финансовое положение России»¹¹⁹. Однако Витте проиграл схватку с Плеве, и в конце августа 1903 г. император перевёл его на почётную, но менее значимую должность председателя Комитета министров. В финансовом ведомстве его ненадолго сменил бывший управляющий Государственным банком Э.Д. Плеске, покинувший пост по болезни в феврале 1904 г. Сольский употребил всё своё влияние, чтобы поставить во главе министерства Коковцова, ставшего к тому времени государственным секретарём¹²⁰. «Плеске прямо сказал мне, намекая на острую оппозицию моей кандидатуре с многих сторон, — вспоминал Коковцов, — что “если бы назначение министра финансов произведено было Государем в порядке плебисцита между господами министрами, то большинство голосов было бы подано за кого угодно, только не за меня” и прибавил: “всю оппозицию перевесил один голос графа Сольского”»¹²¹.

Особая ответственность и огромный объём работы легли на Дмитрия Мартыновича в годы Русско-японской войны и Первой российской революции. В 1903—1905 гг. ему приходилось председательствовать в Государственном совете вместо отсутствовавшего по болезни вел. кн. Михаила Николаевича, а в ноябре 1903 — мае 1906 г. — возглавлять совещание, занимавшееся финансовым обеспечением армии и флота. 27 июня 1905 г. Николай II в личном письме выразил ему особую благодарность «за неутомимые и ревностные труды»¹²². Влияние

¹¹⁷ Нива. 1902. № 2. С. 37.

¹¹⁸ РГИА, ф. 560, оп. 26, д. 316, л. 43—43 об.

¹¹⁹ Куропаткин А.Н. Дневник генерала А.Н. Куропаткина. М., 2010. С. 107, 112.

¹²⁰ Коковцов В.Н. Из моего прошлого... Т. 1. С. 37.

¹²¹ Коковцов В.Н. Обрывки воспоминаний из моего детства... С. 253.

¹²² РГИА, ф. 694, оп. 2, д. 286, л. 5.

Дмитрия Мартыновича в правительственных сферах достигло апогея¹²³. Генерал А.Н. Куропаткин в июне 1905 г. советовал генерал-лейтенанту А.Ф. Редигеру, занявшему пост военного министра: «Держитесь ближе к Сольскому. Верю в его разум, опытность, просвещённый взгляд»¹²⁴. Правда, не все доверяли престарелому сановнику. В частности, министр народного просвещения генерал-лейтенант В.Г. Глазов в беседе с приват-доцентом Б.В. Никольским в марте 1905 г. заметил: «Сольский виляет и более всего старается угодить царю и попасть ему в тон. Это человек без всяких убеждений, совершенно ненадёжный»¹²⁵.

Несмотря на преклонный возраст и болезненное состояние Дмитрия Мартыновича, он был привлечён Николаем II к выработке изменений в системе государственного управления. Когда в начале декабря 1904 г. в Особом совещании рассматривался доклад министра внутренних дел кн. П.Д. Святополк-Мирского, рекомендовавшего незамедлительно осуществить целый пакет реформ, Сольский высказался в пользу намеченного князем участия выборных в законодательной деятельности, утверждая, что это никак не ограничивает самодержавную власть. При этом он полагал, что «делегаты» должны избираться населением, а не губернскими земскими собраниями и городскими думами. Однако, по его мнению, включать этих народных представителей в состав Государственного совета не следовало, а нужно было образовать из них особое учреждение, которое обсуждало бы законопроекты до их внесения в Совет¹²⁶. В тот момент император не решился на подобный шаг, но углубление революционного кризиса заставило его вернуться к этой идее.

Витте, председательствовавший в Комитете министров, всячески пытался возглавить подготовку реформ. Однако Николай II всё меньше ему доверял и предпочёл 3 февраля 1905 г. созвать не собиравшийся более 20 лет Совет министров, председателем которого являлся сам император. Сольский, как и большинство участников заседания, высказался за учреждение народного представительства. 18 февраля царь подписал рескрипт, возлагавший на нового министра внутренних дел А.Г. Булыгина разработку способа привлечения «избранных от населения людей к участию в предварительной разработке законодательных предположений». Дмитрий Мартынович сразу же заявил, что Россия вступила в «новую эру». Николай II поручил ему председательствовать в Совете министров во время своего отсутствия. Тем самым на долю Комитета министров оставалось, как и прежде, лишь обсуждение текущих дел, не имевших особого значения¹²⁷. Узнав об этом, Витте был вне себя и даже заговорил об отставке¹²⁸.

Одновременно 18 февраля император издал указ, разрешавший частным лицам и общественным учреждениям представлять в Совет министров свои соображения, касающиеся «усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния». Рассматривать их должна была комиссия под руководством Сольского, состоявшая из управляющего делами Комитета министров барона Э.Ю. Нольде и главноуправляющего Собственной е.и.в.

¹²³ Коковцов В.Н. Из моего прошлого... Т. 1. С. 33.

¹²⁴ Редигер А.Ф. История моей жизни. В 2 т. Т. 1. М., 1999. С. 422.

¹²⁵ Никольский Б.В. Дневник. 1896–1918. В 2 т. Т. 2. СПб., 2015. С. 37.

¹²⁶ Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 году: реформы и революция. СПб., 1991. С. 33–36.

¹²⁷ Гурко В.И. Указ. соч. С. 383; Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 году... С. 85–105; Из архива С.Ю. Витте. Т. 2. С. 132.

¹²⁸ Дневниковые записи С.Д. Шереметева о С.Ю. Витте // Отечественная история. 1998. № 2. С. 159.

канцелярией А.С. Танеева. Вскоре в канцелярию Комитета министров (которая обеспечивала и деятельность Совета министров) хлынул поток петиций. Когда её чиновник П.П. Менделеев кратко доложил комиссии на квартире Дмитрия Мартыновича об их содержании, то его «выслушали внимательно, по временам посмеивались, а Сольский хохотал до слёз в тех местах доклада, которые касались особо нелепых, действительно комических предложений». Никаких практических последствий это не имело — петиции печатались в виде сборников и сдавались в архив¹²⁹.

В мае—июне 1905 г. подготовленный под руководством Булыгина проект учреждения Государственной думы обсуждался в Особом совещании под председательством Сольского. Это вызывало большой интерес у либеральной общественности, возлагавшей на Дмитрия Мартыновича определённые надежды. 3 июля его посетил будущий председатель I Государственной думы профессор С.А. Муромцев. Во время продолжительной беседы Сольский произвёл на него впечатление человека, «искренне преданного делу народного представительства и достаточно просвещённого в области конституционных вопросов»¹³⁰. Нанёс ему визит и Ф.А. Головин (впоследствии — председатель II Государственной думы), которого Сольский с интересом расспрашивал о съездах земских деятелей и их настроениях. При этом он отметил существующие разногласия (правительство было готово предоставить Думе только законосовещательные функции, тогда как либеральная оппозиция требовала наделения её всей полнотой законодательной власти) и осторожно дал понять Головину, что сочувствует позиции земских съездов¹³¹.

Между тем Николай II колебался и очень противоречиво высказывался о своих намерениях. Тогда Сольский предпринял решительный демарш: 4 июля он доложил ему о невозможности далее откладывать учреждение Думы, в очередной раз уверяя, что речь не идёт об ограничении самодержавия. Правда, граф предупредил, что императору отныне придётся пользоваться своей властью «с особой осмотрительностью» и нельзя уже будет бесконтрольно распоряжаться денежными средствами. Николай II, скрепя сердце, согласился с этим мнением. 19—26 июля проект Булыгина обсуждался в Петергофе на совещании под председательством императора¹³². Выступая на этих заседаниях, Сольский настаивал на отличии Думы от западных парламентов, резко возражал против проведения думских выборов по сословному принципу и предоставления дворянам преобладающего числа депутатских мест¹³³. По свидетельству Куломзина, Дмитрий Мартынович «с большим искусством» парировал возражения оппонентов и «умело группируемыми доводами приводил прения к желанному заключению», оказав тем самым «большое содействие водворению у нас представительного образа правления»¹³⁴.

6 августа царь подписал манифест о создании «булыгинской» Думы и поручил Сольскому возглавить совещание, в котором сосредоточилась подготовка дальнейшего преобразования государственного управления (оформление статуса Думы, переустройство Государственного совета, рассмотрение избирательного

¹²⁹ ГА РФ, ф. Р-5971, оп. 1, д. 109, л. 23—26.

¹³⁰ Милоков П.Н. Сергей Андреевич Муромцев. Биографический очерк // Сергей Андреевич Муромцев: Сборник статей. М., 1911. С. 43.

¹³¹ Из записок Ф.А. Головина. С.А. Муромцев // Красный архив. 1933. Т. 3(58). С. 146.

¹³² Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 году... С. 160—162.

¹³³ Секретные протоколы Петергофского совещания в июле 1905 г. // Николай II: Материалы для характеристики личности и царствования. М., 1917. С. 128, 142, 190, 191, 204, 225.

¹³⁴ Куломзин А.Н. Указ. соч. С. 422.

закона, правил о свободе собраний и др.). Одной из первоочередных задач Сольский считал реформирование Совета министров и создание на его основе «объединённого правительства». Однако кто мог сформировать дееспособный «кабинет» в обстановке революционного кризиса? Сам Дмитрий Мартынович, 24 августа официально назначенный председателем Государственного совета, разумеется, был не в силах совмещать два высших поста в империи. Поэтому он вновь сделал ставку на Витте, который к тому времени успел подписать в Портсмуте мирный договор с Японией. 1 сентября с разрешения императора Сольский ввёл его в состав своего совещания¹³⁵.

В середине сентября Витте вернулся из США, и Дмитрий Мартынович сделал всё возможное, чтобы примирить его с Николаем II. 18 сентября царь даровал Сергею Юльевичу графский титул, демонстрируя признание его заслуг. 9 октября Сольский присутствовал на устроенной им встрече императора с Витте, которому 13 октября были предоставлены полномочия координировать деятельность министерств. Между тем невиданный масштаб всероссийской политической стачки заставил Витте признать закон о «булыгинской» законосовещательной Думе мертворожденным и выступить за предоставление её депутатам законодательной власти и дарование населению широких гражданских прав. В его окружении был подготовлен проект манифеста, однако Николай II ещё прислушивался к настоятельным советам консерваторов. Тогда Сольский организовал составление мемории своего совещания, которую подписали 27 видных сановников. В ней указывалось на необходимость расширения прав Думы, реорганизации Совета министров и наделения его председателя значительными полномочиями. Тем самым высшая бюрократия по инициативе Дмитрия Мартыновича фактически заявила о доверии к Витте как будущему главе правительства. Мемория была представлена императору утром 17 октября вместе с коллективным докладом Сольского и председателей департаментов Государственного совета. Они высказались за проведение «коренных широких реформ» и отметили, что, несмотря на недовольство широких кругов населения «многими сторонами существующего строя», для его преобразования «принимаются недостаточно решительные меры». По их мнению, только дарование «гарантий свободы в законных пределах» могло «привлечь на сторону правительства благонамеренные сферы». Под давлением своего главного советника император вечером того же дня подписал манифест¹³⁶.

19 октября последовал указ об изменении Учреждения Совета министров, текст которого Сольский сам окончательно отредактировал, переработав и дополнив наиболее важные статьи¹³⁷. Витте официально стал премьер-министром и сразу же пошёл на столкновение с Сольским и Николаем II. По просьбе Дмитрия Мартыновича император подписал указ о назначении на освободившееся место председателя Департамента государственной экономии Коковцова, прошившего об увольнении от должности министра финансов из-за невозможности совместной работы с главой правительства. Витте заявил резкий протест, пригрозив, что министры будут игнорировать департамент. Николай II воспринял эту выходку как «личный каприз», но был вынужден уступить¹³⁸.

¹³⁵ Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 году... С. 192–197.

¹³⁶ Там же. С. 196–215.

¹³⁷ ПСЗ-III. Т. 25. Отд. 1. СПб., 1908. № 26820. Подробнее см.: Королёва Н.Г. Первая российская революция и царизм. Совет министров России в 1905–1907 гг. М., 1982. С. 34.

¹³⁸ Коковцов В.Н. Из моего прошлого... Т. 1. С. 100–104.

Зимой 1905—1906 гг. Дмитрий Мартынович участвовал в совещаниях, состоявшихся в Царском Селе под председательством Николая II и обсуждавших порядок выборов в Думу и статус законодательных учреждений¹³⁹. А 20 февраля были изданы манифест и указ о преобразовании Государственного совета, подготовленные совещанием Сольского. Самодержец сознавал, что взвалил на пожилого и больного человека непосильное бремя. «Хорошо знаю Вашу безупречную добросовестность и ту громадную работу, которая лежит на Вас», — писал он графу 23 января 1906 г.¹⁴⁰ Значительный вклад внёс Дмитрий Мартынович и в новую редакцию Основных законов Российской империи¹⁴¹. Во время их обсуждения на очередном совещании в Царском Селе в апреле 1906 г. Сольский предостерегал коллег: «По-моему, не надо трогать всего того, что можно оставить. Не надо трогать почтенной старины. Необходимо лишь изменить то, что несогласно с позднейшими узаконениями, и восполнить пробелы. На основных законах зиждется государственное бытие. Поэтому надо исправить всё то, что несогласно с вопросами действительности»¹⁴².

Обновлённые Основные законы были утверждены царём 23 апреля 1906 г. Накануне Витте покинул пост премьера. Не сумев договориться с либеральной оппозицией и образовать кабинет, пользующийся доверием как монарха, так и широкой общественности, он не оправдал ожиданий Сольского. Их сотрудничество фактически прекратилось. Тем не менее, как писал Руманов, «они настолько переплелись между собой, эти два графа, в такой степени дополняли друг друга, что, говоря о Витте последних 15 лет, нельзя не вспомнить о Сольском, и, говоря о графе Сольском, нельзя не упомянуть о графе Витте». По мнению публициста, «многое в русской жизни определили эта связь и эта близость»¹⁴³. Правда, в своих воспоминаниях Витте, по обыкновению, старался выпятить собственную роль и умалить значение союзника: «Сольский вообще был человек очень порядочный, очень честный, благородный человек, очень культурный и умный, но он представлял собой тип чиновника, который никогда не мог бы ни на что твёрдо решиться, не мог бы провести в жизни никакие реформы». По словам мемуариста, Дмитрий Мартынович был «типичным “примирителем”, человеком полумер», а всё, что «выходило» из совещаний под его председательством, «являет различные неопределённости и недосказанности, как результат компромиссов, которые так любил почтенный граф». Как уверял Витте, из-за «болезненного состояния» и «крайне слабого характера» Сольский в последний период своей деятельности находился под сильным влиянием Коковцова, «секретарей и делопроизводителей», а также жены, которая «старого мужа совсем держала в руках». Осенью 1905 г. «граф Сольский, видя, что волнения всё растут и растут, и буря неизбежна, пожелал спрятаться и уйти от ответственной роли председателя Совета вместо Государя». Вернувшись из Портсмута, Витте будто бы заявил Дмитрию Мартыновичу о своём желании отправиться за границу на отдых. «Эти слова, — рассказывал Сергей Юльевич, — вызвали у Сольского волнение, и он, плача, сказал мне: “Ну что же, уезжайте и оставляйте нас здесь всех погибать. Мы же погибнем, так как без Вас я не вижу выхода”». Тем самым Витте уверенно приписывал себе роль «спасителя отечества» в 1905—1906 гг.:

¹³⁹ Былое. 1917. № 3. С. 217—265; № 5/6. С. 289—318.

¹⁴⁰ РГИА, ф. 694, оп. 2, д. 286, л. 9—10.

¹⁴¹ Там же, л. 8.

¹⁴² Былое. 1917. № 4. С. 183—245, 191.

¹⁴³ Русское слово. 1915. 1 марта.

«Конечно, как глава правительства и ввиду моего влияния на графа Сольского, я имел преимущественное влияние на решения»¹⁴⁴.

Вскоре после отставки «кабинета» Витте Дмитрий Мартынович также оставил свой пост. Невероятное напряжение последних двух лет вызвало у него упадок сил, и он уже совсем не мог председательствовать, так как его голос очень ослаб¹⁴⁵. 28 апреля Сольский открыл первое заседание реформированного Государственного совета и произнёс подобающую такому событию речь, но её было трудно расслышать¹⁴⁶. Генерал Е.В. Богданович, явно, впрочем, преувеличивая, 3 мая 1906 г. писал императору, что члены Совета «сетуют и ропщут» на графа, который физически уже не в состоянии выполнять свои обязанности¹⁴⁷. Но Дмитрий Мартынович и сам понимал, что его время закончилось, и 9 мая подал в отставку. Николай II с сожалением отпустил старого сановника на покой, присвоив ему чин действительного тайного советника I класса и разрешив присутствовать на заседаниях лишь в тех случаях, когда позволит состояние здоровья¹⁴⁸. Дмитрий Мартынович ещё некоторое время председательствовал в Комитете финансов, но в 1908 г. покинул и эту должность. 29 ноября 1910 г. он скончался от аневризмы аорты и был похоронен на кладбище Алексеевского монастыря в Москве. И в среде правящей элиты, и в общественных кругах о покойном сановнике вспоминали добрым словом. В.Ф. Джунковский, служивший в 1905–1912 гг. московским губернатором, писал впоследствии: «Граф Сольский представлял из себя человека превосходного сердца, громадных познаний, был высококультурным и честным государственным деятелем. Он был чужд бюрократических интриг, чиновничьей хитрости и отказа в своих мнениях в зависимости от случайных настроений. Все, кто только его знал, глубоко его почитали и уважали»¹⁴⁹.

Дмитрий Мартынович Сольский оставил глубокий след в правительственной политике второй половины XIX – начала XX в. В бюрократической среде он выделялся глубоким знанием законодательства и делопроизводственной техники, способностью в короткие сроки осваивать новые сферы деятельности и решать проблемы государственного управления на любом уровне. Своим «универсализмом» он напоминал М.М. Сперанского. Примечательно, что Сперанский, Корф и Сольский поочерёдно занимали пост государственного секретаря, как бы передавая эстафету друг другу. Это символизирует преемственность реформаторского курса в России. При этом Сольский неизменно придерживался умеренных и рациональных взглядов, сознавал опасность радикальных инициатив, которые неизбежно потерпят крах, возражал против поспешных и непродуманных нововведений. Он в совершенстве владел искусством заключать компромиссы и умением идти на уступки для достижения поставленной цели. Обладая многолетним опытом законодательной практики и выдающимися дарованиями модератора, Сольский пользовался огромным авторитетом в «верхах» и не раз демонстрировал свою незаменимость.

¹⁴⁴ Из архива С.Ю. Витте. Т. 1. С. 212, 430, 697, 698; Т. 2. С. 55, 197, 230, 298, 457.

¹⁴⁵ *Богданович А.В.* Три последних самодержца. Дневник. М., 1990. С. 367.

¹⁴⁶ *Покровский Н.Н.* Указ. соч. С. 55; *Половцов А.А.* Дневник. 1893–1909. С. 521.

¹⁴⁷ *Леонов М.М.* Патронат и протектирование: российский салоны второй половины XIX – начала XX вв. Дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2011. С. 336.

¹⁴⁸ РГИА, ф. 694, оп. 2, д. 286, л. 10–11.

¹⁴⁹ *Джунковский В.Ф.* Воспоминания: в 2 т. Т. 1. М., 1997. С. 519.